

Къ переводу и истолкованію пс. 14, 4.

Редакціей „Богословскаго Вѣстника“ отъ неизвѣстнаго автора, подписавшагося просто „христіанинъ“¹⁾, получено помѣщаемое ниже письмо, выражающее недоумѣніе по поводу русскаго перевода 4 стиха 14 псалма. Исходя изъ теоретически - богословскихъ соображеній, г. Христіанинъ сомнѣвается въ правильности перевода, предлагаемаго въ синодальномъ изданіи русскои Библіи; но, сознавая недостаточность этого основанія, онъ желалъ бы провѣрить свое сомнѣніе филологической справкой съ еврейскимъ подлинникомъ. Охотно идемъ навстрѣчу этому желанію, тѣмъ болѣе, что, по произведенной нами провѣркѣ, синодскій переводъ дѣйствительно оказывается неправильнымъ; теоретическія же соображенія нашего корреспондента не во всѣхъ пунктахъ могутъ быть одобрены.

Г. Христіанинъ пишетъ:

„При чтеніи библіи въ русскомъ ея переводѣ мнѣ пришлось встрѣтить такое выраженіе, которое является, очевидно, неправильнымъ переводомъ съ подлинника. Сама по себѣ неправильность перевода, можетъ быть, не заставляла бы обращать на нее исключительнаго вниманія, но дѣло въ томъ, что вслѣдствіе этого искаженія текстъ получаетъ смыслъ, совершенно противный духу христіанской нравственности или, что все равно, нравственности вообще. А именно: въ псалмѣ 14, гдѣ изображается идеалъ праведности, въ ст. 4 сказано:

¹⁾ Не отказывая въ помѣщеніи отвѣтовъ на разные недоумѣнные вопросы читателей по тѣмъ или инымъ пунктамъ богословскаго вѣдѣнія, редакція предупреждаетъ, что анонимность запросовъ, вообще говоря, нежелательна. Редакція, во всякомъ случаѣ, имя и адресъ спрашивающаго должны быть извѣстны; въ печати же ихъ, по желанію, можно будетъ и не называть.

Ред.

„тотъ, въ глазахъ котораго презрѣнь отверженный, но который боящихся Господа славить“... Хотя я не имѣю возможности свѣрить переводъ съ подлинникомъ, однако увѣренъ, что въ подлинникѣ не можетъ быть такъ сказано, такъ какъ презрѣніе—чувство совершенно противонаравственное. Презрѣніе—чувство мятежное, безпокойное, оно всегда содержитъ въ себѣ нѣкоторую долю раздраженія или злобы. Правда, можно презирать что-нибудь отвлеченное, напр., злобу, ложь, притворство и т. д., но въ этомъ случаѣ презрѣніе теряетъ уже свой злобный характеръ, и самое слово „презрѣніе“ пріобрѣтаетъ символическое значеніе. Такимъ же образомъ, напримеръ, мы приписываемъ Богу нѣкоторыя, собственно говоря, противонаравственные чувства, напр., гнѣвъ; но въ примѣненіи къ Богу мы придаемъ этимъ словамъ символическое значеніе. Обратившись къ переводу Лютера, я нашелъ тамъ: „Wer die Gottlosen nichts achtet, sondern ehret die Gottesfürchtigen“....., т. е. „который безбожныхъ нисколько не уважаетъ“... Отсутствіе уваженія есть чувство индифферентное, безразличное, а потому нисколько не предосудительное въ нравственномъ смыслѣ. Но презрѣніе—чувство противонаравственное, на что есть прямое указаніе въ словахъ Спасителя: „смотрите, не презирайте никого изъ малыхъ сихъ“, т. е. это, мнѣ кажется, надо понимать приблизительно такъ: смотрите, не презирайте никакого человѣка, насколько бы онъ ни казался вамъ ничтожнымъ въ нравственномъ или какомъ-либо другомъ отношеніи.

Слово „отверженный“ въ приведенномъ стихѣ псалма совершенно непонятно; по-славянски „лукавнудъ“—болѣе понятно; по-нѣмецки „die Gottlosen“—вполнѣ ясно.

Далѣе въ русскомъ переводѣ идутъ опять слова, которыя могутъ произвести путаницу нравственныхъ понятій: „кто клянется, хотя бы злomu, и не измѣняетъ“... Совершенно непонятно, почему человѣкъ, обѣщая что-либо кому-нибудь, долженъ различать, хорошему или плохому человѣку онъ даетъ обѣщаніе. И что такое за классификація людей на добрыхъ и злыхъ? развѣ есть люди, къ которымъ во всякое время могъ бы быть примѣнимъ атрибутъ „злой“? Въ нѣмецкомъ текстѣ сказано: „wer ihm selbst zum Schaden schwöret, und hält es“. Это вполнѣ понятно; смыслъ нѣмецкаго перевода этихъ словъ тотъ, что праведный человѣкъ держитъ свое слово, если даже твердость въ своемъ словѣ можетъ причинить ему вредъ или убытокъ.

Если вообще не желательно присутствіе въ текстѣ библіи выраженій, могущихъ производить путаницу нравственныхъ понятій, то въ особенности нежелательно видѣть въ библіи вышеупомянутую редакцію 4 стиха 14 псалма. Презрительность есть, къ сожалѣнію, болѣзнь европейскаго общества; въ особенности въ настоящее время она имѣетъ форму настоя-

щей эпидеміи. Большинство интеллигентовъ, повидимому, не считаетъ презрительность противонавственнымъ качествомъ, наоборотъ, очень многіе какъ будто считаютъ ее признакомъ особеннаго благородства, они какъ будто бы думаютъ, что, унижая въ своемъ сознаниіи другихъ, они сами чрезъ это становятся благороднѣе. Печальное заблужденіе! И въ особенности нежелательно, чтобы это заблужденіе находило себѣ опору въ текстѣ библіи. А тексты библіи, какъ нарочно, переведены такъ, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ обличается презрительность, они переведены не точно. Вотъ, напримѣръ, въ стихѣ 3 псалма 24 сказано: „zu Schanden müssen sie werden, die losen Verächter“, т. е. „постыдятся пустые презрители“. Но по-славянски это переведено слишкомъ обще, недостаточно опредѣленно: „да постыдятся беззаконующіи вотще“. По-русски: „да постыдятся беззаконующіе втунѣ“. Повидимому въ русскомъ текстѣ такое выраженіе поставлено только для того, чтобы не удалиться отъ славянскаго текста. Конечно, я не знаю подлинника и потому не могу утверждать этого. Но если нѣмецкій текстъ правильнѣе, то гораздо полезнѣе было бы поставить болѣе опредѣленное выраженіе — „пустые презрители“. Можетъ быть, это многихъ спасло бы отъ жестокихъ нравственныхъ ошибокъ“.

Разсматриваемый 4 стихъ 14 псалма по-еврейски читается слѣдующимъ образомъ:

נְבוֹחַ בְּעֵינַי נִמְאָם וְאֵת-יְרֵאָו יְהוָה יִבְבֵּךְ נִשְׁבַּע לְהַרְעֵ לְאֵ יָמַי:

Въ греческомъ переводѣ 70 онъ передается:

ἐξουδένωται ἐνώπιον αὐτοῦ ποταρευόμενος, τοὺς δὲ φοβουμένους χεῖροι δοξάζει ὁ θυμῶν τῶ πλήθειν αὐτοῦ καὶ οὐκ ἀφείσθῃ.

Этимологическій разборъ еврейскаго текста не представляетъ затрудненій. Форма נְבוֹחַ есть причастіе по виду нифаль отъ глагола בָּוֵחַ; בְּעֵינַי = предл. בְּ+двойств. ч. имени עַי+мѣстоименный суффиксъ 3 лица ед. ч. муж. р. ; נִמְאָם—причастіе по виду нифаль отъ глаг. מָאָם; וְאֵת-יְרֵאָו—множ. ч. въ st. constr. отъ отглагольнаго прилаг. יְרָאָו; יִבְבֵּךְ—imperf. 3 л. ед. ч. м. р. по виду піель отъ глаг. בָּבַךְ; נִשְׁבַּע—3 л. ед. ч. м. р. perf. по виду нифаль отъ гл. שָׁבַע; לְהַרְעֵ—предл. לְ+членъ פִּתְּ+сущ. רָע; наконецъ, יָמַי есть 3 л. ед. ч. м. р. imperf. по виду гифиль отъ гл. מָרַךְ.

Что же касается синтаксическаго разбора, то здѣсь встрѣчаются нѣкоторыя затрудненія. Начнемъ съ первой половины стиха (кончая словомъ יִבְבֵּךְ).

Причастіе נִבְוֵחַ, несомнѣнно, значить „презрѣнный“, равно какъ и гл. בָּוֵחַ значить именно „презирать“. Всякое другое

значеніе будетъ болѣе или менѣе неточнымъ, хотя, можетъ быть, и болѣе соответствующимъ словоупотребленію и духу того языка, на который дѣлается переводъ. Значеніе гл. נִבְרָא прекрасно выясняется какъ контекстомъ употребляющихъ его мѣстъ и снесеніемъ параллелей, такъ въ особенности Пса. 53, 3 и Іер. 22, 28, гдѣ параллелизмъ фразы ясно раскрываетъ смыслъ בֹּרָא. „Онъ былъ презрѣнъ (נִבְרָא) и отвергнутъ людьми, страдалецъ, испытавшій болѣзнь, и какъ человѣкъ, отъ котораго отвращали мы лицо; Онъ былъ презрѣнъ (נִבְרָא), и ни во что ставили мы Его“ (Иса. 53, 3). „Ужели сей, Хонія, есть созданіе презрѣнное (נִבְרָא), сокрушенное? развѣ онъ сосудъ нелюбимый? за что же они брошены, онъ и племя его извержены въ страну, которой они не знали“ (Іер. 22, 28)? Въ синтаксическомъ отношеніи также безспорно, что נִבְרָא. есть сказуемое.

Но что считать при немъ за подлежащее,—на этотъ счетъ возможны различныя воззрѣнія, и мнѣнія переводчиковъ и комментаторовъ дѣйствительно расходятся. Одни считаютъ подлежащимъ слѣдующее далѣе причастіе נִבְרָא, другіе же—подразумѣваемое мѣстоименіе „онъ“, т.-е. того самаго праведника, который „ходитъ непорочно и дѣлаетъ правду, говоритъ истину въ сердцѣ своемъ“ и т. д. (ст. 2—3). Собственно грамматическая конструкція будетъ въ послѣднемъ случаѣ тождественна съ конструкціей ст. 2 („ходящій непорочно и дѣлающій правду“): причастіе отвѣчаетъ на вопросъ,—кто обитаетъ въ жилищѣ Господнемъ; тогда по своему синтаксическому значенію оно скорѣе должно рассматриваться, какъ подлежащее эллиптического предложенія, гдѣ сказуемымъ подразумѣвается יָיָר בְּאֵהָלַי изъ ст. 1. Если же причастіе переводить полнымъ относительнымъ предложеніемъ („тотъ, который презрѣнъ“ и т. д.),—для чего основаніе дается употребленіемъ далѣе verbum finitum въ предложеніи, соединенномъ съ рассматриваемымъ поср. союза ו, — то тогда נִבְרָא надо будетъ назвать сказуемымъ. Впрочемъ, какъ бы мы ни разбирали, вопросъ представляетъ лишь терминологическій интересъ съ точки зрѣнія русскаго синтаксиса; въ еврейскомъ же синтаксическомъ отношеніи остается однимъ и тѣмъ же. Соотвѣтственно этому различію въ пониманіи נִבְרָא. различно переводится и יָיָר בְּאֵהָלַי: въ пер-

воиъ случаѣ—„въ глазахъ его“, во второмъ случаѣ—„въ глазахъ своихъ“.

Авторитетнымъ представителемъ перваго пониманія является переводъ 70: *ἐξουδέσθητι ἐνόμιον αὐτοῦ λοῦρεῦόμενος*; (такъ же и славянскій: „уничиженъ есть предъ нимъ лукавнуяй“). Подобнымъ образомъ передаетъ и Вульгата: „in cuius oculis contemptus est reprobus“. Этому именно пониманію слѣдуетъ и русскій синодскій переводъ: „тотъ, въ глазахъ котораго презрѣнъ отверженный“. Сторонниками второго пониманія являются нѣкоторые ученые комментаторы новаго времени, наприм., Гитцигъ, Деличъ и др. При этомъ עָנָו получаетъ уже такое же синтаксическое значеніе, какъ и נָבַח , т. е. становится вторымъ сказуемымъ (если подлежащимъ при נָבַח считать подразумѣваемое мѣстоименіе אִתּוֹ или בְּשָׁנָה) или (если все предложеніе разсматривать, какъ отвѣтъ на вопросъ 1 стиха) вторымъ словомъ, отвѣчающимъ на вопросъ: „Господи, кто можетъ пребывать въ жилищѣ Твоемъ?“ Значеніе этого слова совершенно правильно передано въ русскомъ синодскомъ переводѣ: „отверженный“; гл. עָנָו въ каль значить „отвергать“, „отбрасывать“,—противоположность $\text{בָּחַר$ „избирать“ (ср. Иса. 7, 15. 16; 41, 9; Иов. 34, 33; Іер. 6, 30; 7, 29; 14, 19; 1 Ц. 15, 23; 4 Ц. 17, 15); употребляется онъ также и какъ синонимъ קָבַח въ значеніи „презирать“ (ср. Иса. 8, 6; 33, 8; 33, 15; Пр. 15, 32; Иов. 19, 18); въ нифаль, кромѣ настоящаго случая, онъ встрѣчается еще только дважды (въ Иса. 54, 6 и Іер. 6, 30) въ значеніи именно „отверженный“. Вполнѣ точно передаетъ это значеніе Вульгата—„reprobus“; греческое же *λοῦρεῦόμενος* (и слав. „лукавнуяй“)—не вѣрно.

Какой же изъ двухъ указанныхъ синтаксическихъ разборовъ должны мы принять? Мы полагаемъ, что второй безусловно предпочтительнѣе. Грамматическимъ основаніемъ въ его пользу Деличъ считаетъ отсутствіе члена при обонхъ причастіяхъ, что стилистически недопустимо, если бы одно изъ нихъ было подлежащимъ, а другое сказуемымъ ¹⁾. Главнымъ же основаніемъ, по нашему мнѣнію, является контекстъ и аналогія въ построеніи рѣчи съ построеніемъ ст. 2—3. Весь псаломъ представляетъ рядъ отвѣтовъ на

¹⁾ F. Delitzsch, Bibl. Commentar über die Psalmen, 1 H. 1873. S. 154.

вопросъ ст. 1-го. Достойнымъ обитать въ жилищѣ Господнемъ оказывается „поступающій непорочно“, „творящій правду“, „говорящій истину“, „не клеветующій“, „не дѣлающій зла и не произносящій злословія“... Совершенно въ рядъ съ этимъ перечнемъ стоитъ נְבוֹנָה בְּעֵינָיו נִמְצָא. Ясно, что נְבוֹנָה въ именительномъ падежѣ должно указывать того, „кто можетъ пребывать въ жилищѣ Господнемъ“. При традиціонномъ же пониманіи оказывается какъ разъ наоборотъ: рѣчь шла бы о человѣкѣ не только не достойномъ пребывать въ жилищѣ Господнемъ, но служащемъ даже для праведника предметомъ совершенно отрицательнаго отношенія. Это шло бы совершенно въ разрѣзъ не только со всѣми предыдущими изреченіями, говорившими о праведникѣ, а не о человѣкѣ противоположныхъ свойствъ, но—и съ дальнѣйшими словами, которыя опять продолжаютъ говорить о праведникѣ, который „серебра своего не отдаетъ въ ростъ и даровъ противъ невиннаго не принимаетъ“ (ст. 5). Могутъ намъ здѣсь возразить, что въ ст. 4а характеризуется тотъ же праведникъ, но лишь со стороны своего отношенія къ негоднымъ людямъ, почему и переводится: „тотъ, въ глазахъ котораго презрѣнъ отверженный“. Но, во-1, въ такомъ случаѣ, фраза должна бы гласить: „презирающій отверженнаго (נִמְצָא לְעֵינָיו)“, т. е. вм. причастія отъ נִמְצָא по виду нифаль должно бы стоять прич. по виду каль съ доп. въ вин. пад.; 2, въ этомъ случаѣ антитеза между נְבוֹנָה и יִכְבֵּד требовала бы, чтобы и יִכְבֵּד יְרֵאֵי יְהוָה было противоположеніемъ נִמְצָא—это сознавали и 70 и Лютеръ, переведшіе, хотя и не вѣрно, но все же антитетически (πονηροβίετος—φοβομένηος χείριος, die Gottlosen—die(Gottesfürchtigen);—между тѣмъ, какъ мы говорили, антитезой къ נִמְצָא скорѣе должно бы быть בְּרֵרָה, нежели נִמְצָא לְעֵינָיו (къ послѣднему антитезой, напр., у Малахіи, является בְּרֵרָה, ср. Мал. 3, 19. 15). 3, По существу дѣла непонятно было бы, что за достоинство въ праведникѣ, если онъ презираетъ отверженныхъ;—естественнѣе было бы милосердіе и состраданіе, а не презрѣніе.

Итакъ, рассматриваемое предложеніе мы должны перевести: „презрѣнный въ глазахъ своихъ, отверженный“ или, для соотвѣтствія съ построеніемъ дальнѣйшей фразы, — „тотъ, кто презрѣнъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, отверженъ“...

Переводъ же дальнѣйшихъ словъ рассматриваемой поло-

вины стиха будетъ: „боящихся же Господа чтить“ ¹⁾. Что **יִכְבֵּד**, переводимое въ русскомъ синодскомъ изданіи, вслѣдъ за 70 и славянскимъ, „славить“, на самомъ дѣлѣ надо переводить „читать“, объ этомъ см. наше изслѣдованіе: „Пророкъ Малахія“ (1903 г.), стр. 198—199. Употребленіе формы *verbum finitum* **יִכְבֵּד** вм. причастія, при чемъ предъ глаг. подразумѣвается мѣст. **יְשֻׁבֵי** „который“, показываетъ, что и **יִכְבֵּד-נְבוֹן** и относится къ одному и тому же логическому субъекту, т. е. изображаемому во всемъ псалмѣ праведнику, такъ какъ оба предложенія соединены союзомъ **וְ** „и“.

Смыслъ мѣста, при такомъ переводѣ,—вполнѣ ясенъ и простъ: въ жилищѣ Господнемъ достоинъ жить тотъ, кто „презрѣнъ и отверженъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, но чтить боящихся Господа“, т. е. человѣкъ смиренный, скромный въ оцѣнкѣ своихъ собственныхъ заслугъ и достоинствъ до полнаго самоуничженія, но охотно чтущій истинныя достоинства (богобоязненность) во всякомъ другомъ человѣкѣ. А что смиреніе, доходящее до полнаго самоуничженія предъ Господомъ, до готовности казаться презрѣннымъ, дѣйствительно разсматривалось въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ добродѣтель, какъ высокое нравственное достоинство праведника, это можно видѣть изъ многихъ мѣстъ св. писанія: „Мелхола смотрѣла въ окно и видѣла, какъ прыгаль и скакаль Давидъ предъ Господомъ, и она презрѣла (יִכְבֵּד) его въ сердцѣ своемъ... Когда же Давидъ возвратился въ домъ свой,... то Мелхола сказала: какъ отличился сегодня царь Израилевъ, обнажившись нынѣ предъ глазами рабынь рабовъ своихъ, какъ выказываетъ себя какойнибудь пустой человѣкъ. Но Давидъ сказалъ Мелхолѣ: Предъ Господомъ... веселился я. И если я еще болѣе уничижусь и сдѣлаюсь еще ничтожнѣе въ глазахъ моихъ, то всетаки и среди рабынь, о которыхъ ты говоришь, я буду уважаемъ“ (2 Ц. 6, 16. 20—22).—„Я живу на высотѣ небесъ и во святилищѣ. а также съ сокрушенными и смиренными духомъ“ (Иса. 57,

¹⁾ По нашему убѣжденію, слѣдовало бы еще слово **יִכְבֵּד** оставлять безъ перевода и передавать просто „Іегова“, а не „Господь“. Основанія для этого см. въ нашей книгѣ: „Пророкъ Малахія“, стр. 153—154. Но такъ какъ это касается словоупотребленія вообще всей русской Библии, а не перевода только разсматриваемаго мѣста пс. 14, 4, то мы и не считаемъ нужнымъ именно здѣсь настаивать на переводѣ „боящихся Іеговы“.

15). Весь псаломъ 130 есть гимнъ смиренію. Богъ вообще возвышаетъ уничиженныхъ въ собственныхъ глазахъ (1 Ц. 15, 17).

Переходимъ ко второй половинѣ стиха. Въ ней г. Христіанинъ находитъ подозрительнымъ переводъ „хотя бы злому“ и полагаетъ, что нѣмецкій переводъ „хотя бы во вредъ себѣ“ долженъ болѣе соответствовать подлиннику. Догадка эта, хотя она и не опирается на филологическихъ основаній, — вполне справедлива. Еврейское וְלֹא־יָזִיק׃ можетъ одинаково переводиться и „злому“ (дополненіе при וַעֲשֵׂה׃ для обозначенія лица, которому дается клятва), и „во „вредъ“, „къ несчастью“ (обстоятельствоное слово при וַעֲשֵׂה). Аналогія такого употребленія וְ съ предл. לְ дана въ Іер. 7, 6: „не пойдете за чужими богами на бѣду себѣ ($\text{לְבָרְכֵי עֲלֵיכֶם}$)“... При одинаковой возможности переводить такъ и иначе, выборъ долженъ рѣшаться степенью осмысленности перевода и соответствія его контексту. Что касается перваго критерія, то г. Христіанинъ воспользовался имъ совершенно правильно, указавъ на бессмысленность различать при клятвѣ, кому она дается, и, сообразно съ этимъ, исполнять ее или безъ церемоніи нарушать. Согласіе же съ контекстомъ можетъ быть устанавливаемо двояко: или исполненіе безусловно всякой своей клятвы, безъ соображенія съ выгодами или невыгодами для себя такого исполненія, вообще указывается, какъ черта благочестиваго человѣка, достойнаго обитать въ жилищѣ Господнемъ (контекстъ съ ст. 2—3), или же такое исполненіе есть специальное выраженіе „почтенія къ боящимся Господа“ и собственнаго самоотверженнаго самоуничиженія; — праведникъ такъ низко цѣнитъ себя самого и свой собственный интересъ, что никогда ради него не нарушитъ своей клятвы;—онъ, далѣе, такъ „чититъ боящихся Господа“, что не пожелаетъ никого изъ нихъ оскорбить клятвopреступленіемъ, хотя бы потребованная отъ него, во имя Божіе, клятва и была во вредъ ему. Итакъ, переводимъ: „кто клянется, хотя бы во вредъ себѣ, и не измѣняетъ“.

Помимо грамматическихъ и экзегетическихъ основаній въ пользу такого перевода, онъ можетъ быть отчасти подкрѣпленъ и традиціей древнееврейскаго пониманія, сохранившейся въ переводѣ бл. Иеронима: „*juratus in damnum suum, non tamen mutatur*“. Правда, другая, тоже древнееврейская традиція, въ

переводъ 70, открываетъ предъ нами совершенно иную перспективу, давая основаніе для корректуры еврейскаго масоретскаго текста: 70, перевода *το πλησιον*, очевидно, читали вмѣсто $\text{אֲרִיבֹן}—\text{אֲרִיבֹן}$ (отъ אֲרִי = „товарищъ“, „другъ“, „близній“);—и смыслъ при такомъ переводѣ получается вполне удовлетворительный (слав. „клennyйся искреннему своему и не отменяйся“); но мы полагаемъ, что при изслѣдованіи ветхозавѣтнаго текста, безъ принудительно вѣскихъ основаній не слѣдуетъ отступать отъ масоретской традиціи чтенія.

Мы сказали, что теоретическія соображенія г. Христианина не во всѣхъ пунктахъ могутъ быть одобрены. Здѣсь мы прежде всего имѣли въ виду его, повидимому, принципиальное недопущеніе въ Библии выраженій, по буквѣ своей оскорбляющихъ или даже только нѣсколько шокирующихъ наше нравственное чувство, и проистекающую отсюда склонность заподозрѣвать правильность перевода такихъ выраженій. Подозрительность и осторожность — вещи, конечно, очень хорошія; и этическія несообразности въ текстѣ Библии всегда могутъ служить достаточнымъ поводомъ къ его филологической провѣркѣ; но при самой этой провѣркѣ слѣдуетъ руководиться только филологическими и научно-экзегетическими основаніями, а отнюдь не моральными побужденіями. Удовлетвореніе послѣднихъ должно быть дѣломъ толкованія; исказить же ради нихъ самое слово Божіе, библейскій текстъ, отнюдь не слѣдуетъ. Вотъ, на примѣръ, у пророка Малахіи сказано отъ имени Божія: „Исава Я возненавидѣлъ“ (1, 3)... Сколько малодушныхъ попытокъ сдѣлано было, чтобы не переводить здѣсь еврейское שׂוֹאֵת „ненавидѣть“ и не усвоить Богу такихъ якобы не приличныхъ Ему свойствъ! А между тѣмъ, по тщательномъ изслѣдованіи, оказывается, что говоритъ о „ненависти“ Іеговы къ Исаву вполне возможно, нисколько не принижая понятія о Богѣ (см. въ нашей книгѣ о прор. Малахіи, приложение I: „О ненависти Іеговы къ Исаву и о Божественномъ предопредѣленіи“, стр. 575—579).

Затѣмъ, указаніе автора на особенное распространеніе въ современномъ интеллигентномъ обществѣ „презрительности“ и опасеніе, какъ бы эта „эпидемія“ не нашла себѣ пищи въ словѣ Божіемъ, кажутся намъ совершенно напрасными. Никакой такой эпидеміи не существуетъ. Въ отношеніи презритель-

ности современная интеллигенція нисколько не лучше и не хуже, чѣмъ 50, 100, 200 и т. д. лѣтъ назадъ. А искать для своихъ противонаправственныхъ настроеній оправданія въ Библии современный интеллигентъ, конечно, не станетъ.

Наконецъ, въ заключеніе не можемъ не напомнить вообще о томъ, какъ скользокъ путь нравственной подозрительности въ отношеніи къ Библии, и къ какимъ поистинѣ кощунственнымъ и преступнымъ дѣяніямъ онъ можетъ повести. Напримѣръ, при Константинѣ Великомъ былъ вычеркнутъ изъ Евангелія трогательный и всѣхъ насъ теперь назидающій рассказъ о прощеніи Господомъ женщины, взятой въ прелюбодѣяніи (Іоан. 8, 2—11). Поводомъ было опасеніе, какъ бы евангельскій рассказъ не сталъ служить оправданіемъ легкомысленному пренебреженію семейными обязанностями. Страшно подумать, какъ сократилась бы Библия, если бы моралисты всѣхъ вѣковъ могли безпрепятственно примѣнять къ ней свою подозрительную цензуру!

П. Тихомировъ.

1904 г. 15 сент.